

*Тени Нйт-Сити: магия вне
закона*

Кирилл Малков

Кирилл Малков

Тени Найт-Сити: магия вне закона

«Автор»

2026

Малков К.

Тени Найт-Сити: магия вне закона / К. Малков — «Автор», 2026

Тени НайтСити: магия вне закона! НайтСити 2077 года: неоновые огни, сталь и тишина, в которой прячутся древние силы. Для большинства магия — миф. Древние магические династии правят из тени: Вейны держат порядок, Фламмелы несут пламя. Кирилл Вейн живёт между двумя мирами — он и хранитель закона, и муж женщины из рода, который привык сжигать преграды. Через год произойдёт событие, способное изменить всё: Аркадий Вейн достигнет 300 лет и обретёт истинную зрелость мага. Баланс сил пошатнётся, и каждый шаг великих домов будет иметь цену. Кто удержит власть, а кто сгорит в пламени чужих амбиций?

© Малков К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 " Глаза в сети, руки в городе "	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кирилл Малков

Тени Найт-Сити: магия вне закона

Глава 1 "Глаза в сети, руки в городе"

Утро в нашем доме всегда начинается одинаково: тонкий аромат чая, запах старого дерева и тишина, в которой слышно, как тикают часы. Сегодня тишина кажется слишком громкой. Вероника сидит напротив, уткнувшись в планшет, и делает вид, что не замечает моего взгляда. Ей девятнадцать, но для мага это всё ещё юность, и я никак не могу привыкнуть, что она уже почти взрослая.

— Ты опять собираешься в Академию через нижний переход? — спрашиваю я, стараясь, чтобы это звучало как обычный вопрос, а не как приказ. Она поднимает глаза, и в них мелькает упрямство — чистое, огненное, совсем как у её матери.

— Папа, я умею быть незаметной, — спокойно говорит она. — И потом, если кто-то заметит ну, ты же рядом.

Я хочу улыбнуться, но не могу. Быть рядом — это не всегда значит быть достаточно близко. В этот момент телефон вибрирует. На экране высвечивается: «Срочно. Аркадий Вейн». И тишина в комнате рассыпается, как стекло.

— Прости, Вероник, — я встаю, застёгивая куртку. — Мне нужно идти.

Она кивает, не спрашивая, потому что знает: когда звонит Верховный Маг и Верховный Инспектор Магии, вопросов не задают.

Я выхожу в коридор, где портреты предков смотрят на меня со стен, будто напоминая: род Вейнов не имеет права на слабость. И шагаю в город, который не должен знать, что магия всё ещё существует.

Выскакиваю из подъезда — и город тут же накидывается на меня шумом. Над головой висит огромный голографический баннер: «Купи себе спокойствие — подключи нейрофильтр от стресса». Смешно. В Найт-Сити спокойствие стоит дороже, чем хороший имплант.

Капюшон натягиваю почти на глаза — не столько от мороси, сколько чтобы камеры не цеплялись за лицо. Система «Око» сканирует прохожих, ищет аномалии: резкие всплески температуры, неестественные электромагнитные поля, искажения, которые появляются, когда кто-то тянет магию. Для них это сбой. Для нас — смертный приговор.

Телефон снова вибрирует. На экране всё то же: «Аркадий Вейн».

— Да, отец, — выдыхаю я, стараясь звучать спокойно. — Уже в пути. Что там?

Голос отца сухой, как пепел:

— В секторе D, у старой промзоны, срабатывают датчики. Всплеск силы. Не техногенный. И не одиночный. Их трое.

Внутри всё сжимается. Трое. Это не случайность и не ошибка новичка. Это либо вызов, либо начало войны.

— Ты думаешь, это Фламмелы? — спрашиваю я, сам не желая слышать ответ.

— Я не думаю, Кирилл, — отрезает отец. — Я проверяю. Но ты должен быть там первым. Если это они — нам нужно удержать ситуацию до того, как об этом узнают корпорации. Ты понимаешь, что будет, если «Арасака» или «Милитех» поймут, что магия реальна?

Понимаю. Это будет конец нашего мира. Конец тайны. Конец всего, что мы строили веками.

— Понял. Буду через семь минут. Отключаюсь и сворачиваю в узкий переулок между двумя небоскрёбами. Здесь камер меньше — только старые, с плохим обзором. Останавливаюсь у глухой стены, оглядываюсь и на секунду позволяю себе выпустить немного силы. Магия

течёт по венам, тёплая, живая, как второе сердце. Я не собираюсь колдовать понастоящему, только чуть-чуть, ровно настолько, чтобы ускорить рефлексy.

В этот момент из темноты шагает фигура.

— Далеко собрался, Вейн?

Это Кристина, моя жена. Пламя и шторм в одном лице. Её глаза сверкают в полумраке, а на губах мелькает усмешка, от которой у любого другого кровь застыла бы в жилах.

— Ты что здесь делаешь? — рявкаю я, тут же понижая голос. — Тебе нельзя быть в этом секторе!

— А тебе можно? — она шагает ближе, и воздух вокруг неё будто становится горячее.

— В секторе D только что вспыхивает магия. Знакомый почерк. Слишком.. горячий.

Сжимаю кулаки.

— Ты хочешь сказать, что это твои?

— Мои? — Кристина прищуривается. — Мои не стали бы работать так грубо. Но я знаю, кто мог. Калёб. Младший. У него вечно всё горит. В прямом смысле.

Калёб. Сын Серафины и Валериуса. Юный, горячий, упрямый. И если он действительно сейчас там, то всё может стать в тысячу раз хуже.

— Нам нужно туда, — говорю я. — И быстро.

Кристина кивает, и в её глазах мелькает что-то, чего я не видел уже давно, — то самое чувство, когда мы были напарниками, а не просто мужем и женой. Когда мы понимали друг друга без слов.

— Тогда беги, — шепчет она. — А я прикрою.

Прежде чем я успеваю возразить, она исчезает в тенях, оставив после себя лишь запах гари и ощущение, что мир только что стал ещё опаснее.

Промзона встречает меня мёртвой тишиной, которая пугает сильнее любого крика. Стены цехов выжжены, будто по ним прошли плазменной горелкой, но это не техника. Это магия — грубая, необузданная, оставляющая после себя запах озона и пепла.

Камеры висят, как сломанные игрушки: линзы оплавлены, провода обуглены. Кто-то не просто использует силу — он кричит ею.

Прижимаюсь к стене, сканирую пространство. Гдето здесь должен быть след. И я его нахожу: на ржавом листе металла темнеет пятно, похожее на отпечаток ладони, от которого по металлу расходятся тонкие трещины, будто металл пытается убежать от этого прикосновения.

Рядом валяется чип. Обычный, дешёвый, из тех, что используют уличные нетраннеры. Но на нём метка: крошечный символ, похожий на пламя, вытравленный кислотой.

Фламмелы. Или тот, кто хочет, чтобы мы так думали.

Сую чип в карман и уже хочу уходить, когда слышу тихий стон изза контейнера.

Там, сжавшись в комок, сидит Калёб. Его одежда опалена, волосы слиплись от пота, а в глазах застыл тот самый ужас, который появляется, когда понимаешь, что выпустил силу и не можешь её остановить.

— Калёб, — подхожу, стараясь не делать резких движений. — Что здесь происходит?

Он поднимает на меня пустые глаза.

— Я не хотел, — шепчет. — Я просто хотел показать доказать, что я могу. А потом всё вспыхивает. Я не могу это удержать.

Опускаюсь рядом с ним на корточки.

— Кто ещё был с тобой? — спросил я.

— Двое парней из банды «Пыль». Они говорят, что знают способ усилить магию через городские сети. Я думал я думал, это просто байки. — ответил мне Калёб

Внутри всё сжимается. Если магия идёт по сетям, «Око» может засечь не только всплеск, но и маршрут. А значит, сюда уже едут.

— Сколько тебе лет, Калёб? — спрашиваю тихо.

Он смотрит на меня так, будто не понял вопроса, а потом выдыхает, и в этом выдохе столько боли, что она почти пахнет гарью:

— Мне всего семьдесят Я не должен быть таким сильным. У нас в роду это приходит позже. Или или я просто сломан.

Качаю головой.

— Ты не сломан. Ты Фламмел. Ваша сила всегда приходит раньше и бьёт жёстче. Проблема не в том, что ты сильный, а в том, что тебе никто не объяснил, как её держать.

Калёб сжимает кулаки, и я замечаю, как между пальцами на секунду проскакивает тонкая нить пламени — совсем маленькая, но достаточная, чтобы выдать нас, если рядом есть датчики.

— Не тяни силу, — говорю жёстко, но без злости. — Сейчас она твой враг. Держи её внутри, пока мы не уйдём.

Из темноты доносится металлический лязг — звук, который я знаю слишком хорошо: затвор винтовки.

— Не двигайся, инспектор, — голос ровный, без эмоций. — Корпоративная служба безопасности. Мы фиксируем аномалию. Теперь мы знаем, что это не сбой.

Медленно поднимаю руки, чувствуя, как магия внутри меня бьётся, как пойманная птица, и шепчу так тихо, чтобы услышал только Калёб:

— Держи себя в руках. Ни слова. И ни капли силы. Если они увидят жар — для тебя всё будет кончено.

В этот момент где-то на окраине промзоны что-то громко взрывается. Не магия — техника. И сразу следом завывают сирены, перекрывая все остальные звуки.

Это Кристина. Она не стала ждать. Она даёт нам шанс.

— Беги, — прошипываю я Калёбу, хватая его за рукав. — Не по прямой. Держись за мной и не смотри назад.

Мы рвёмся в темноту между цехами, где даже камеры не успевают за нами. Дождь смешивается с гарью, и воздух становится тяжелее с каждым вдохом. Но впервые за этот день я чувствую не только опасность — я чувствую, что делаю то, что должен. Не потому, что мне приказали, а потому, что если не я, то кто?

Промзона остаётся позади, но запах гари тянется за нами, будто не хочет отпускать. Мы ныряем в лаз технического коллектора — тут пахнет сыростью и старой проводкой, а камеры «Ока» сюда не добивают. Здесь можно на секунду выдохнуть.

Калёб приваливается к ржавой стене, дрожа всем телом. Пламя больше не проскакивает между пальцами, но воздух вокруг него всё ещё слишком горячий — я чувствую это кожей.

— Не дыши силой, — тихо говорю я. — Держи её внутри, как воду в сжатом кулаке. Если она прорвётся здесь, даже в этой дыре нас найдут по теплу.

Он кивает, стискивая зубы, и я впервые вижу в нём не просто упрямого мальчишку из гордого рода, а испуганного парня, которому дали слишком много огня и не дали ведра, чтобы его тушить.

Кристина появляется бесшумно — только на миг колыхнётся воздух, и в темноте блеснут её глаза. Она протягивает Калёбу плотную термокуртку с глушителем теплового следа.

— Надень. И не снимай, пока не скажу.

Калёб берёт куртку неловко, будто боится, что она обожжёт его сильнее, чем собственный огонь.

— Сестра.. — шепчет он. — Я не хотел..

— Знаю, — отрезает Кристина, но голос у неё не злой, а усталый. — Но теперь надо думать не о том, чего ты хотел, а о том, что будет дальше.

Достаю из кармана чип. В тусклом свете аварийного диода он выглядит совсем жалким — дешёвый уличный носитель, какие вставляют в самодельные терминалы. Но на нём вытравлен символ пламени, а под ним — тонкий цифровой узор, похожий на схему узла городской сети.

— Смотри, — протягиваю чип Кристине. — Это не просто метка Фламмелов. Тут есть фрагмент кода. Он совпадает с архитектурой городских распределителей. Кто-то пытается пустить магию по линиям питания.

Кристина хмурится, поворачивая чип в пальцах. Металл чуть темнеет от её тепла.

— Ты хочешь сказать, они хотят соединить? — говорит мне Кристина.

— Именно, — отвечаю. — Магия и ток. Как бензин и искра. Если у Калеба получится, всплеск может накрыть весь сектор. «Око» не просто заметит аномалию — он запишет её маршрут до самого источника. До нас.

Кaleb поднимает голову, и в его глазах мелькает понимание, от которого ему становится ещё страшнее.

— То есть я могу выдать весь род? — голос у него дрожит. — Я могу выдать маму... и тебя, сестра... и...

Кристина резко приседает перед ним, не давая ему провалиться в эту мысль.

— Ты не выдаёшь, — твёрдо говорит она. — Потому что мы здесь. Потому что мы не даём этому случиться. Но тот, кто тебе это предложил, знает, что делает. Это не случайность.

Провожу пальцем по узору на чипе. Линии сходятся в точку, которая мне смутно напоминает старую подстанцию на границе секторов D и E — заброшенную, но всё ещё подключённую к резервной ветке.

— Это не просто эксперимент, — бормочу я. — Это тест. Ктото проверяет, можно ли использовать городскую сеть как проводник для магии. Если получится, они смогут усиливать всплески, направлять их или даже маскировать под техногенные сбои.

Кристина выпрямляется, и в её взгляде снова вспыхивает тот самый холодный огонь, который заставляет трепетать даже старших Фламмелов.

— Значит, надо узнать, кто это делает, — говорит она. — И сделать это раньше, чем они попробуют снова.

Смотрю на Калеба. Он всё ещё дрожит, но в нём уже нет той паники — только решимость, которая приходит, когда понимаешь, что должен всё исправить.

— Кaleb, — тихо зову я. — Ты помнишь тех парней из «Пыли»? Имена? Лица? Хоть что-нибудь.

Он сглатывает, собираясь с мыслями.

— Одного зовут Грим. У него шрам через всю щёку. Второй второй всё время смотрит на часы, будто ждёт какого-то сигнала. И ещё... он говорит что-то про «нулевой узел». Я тогда не понял, а теперь...

«Нулевой узел». Старая легенда уличных нетраннеров: якобы где-то в сети есть точка, где все потоки сходятся и можно «поджечь» весь город одним импульсом. Раньше я считал это байкой. Теперь эта байка пахнет гарью и смертью.

— Хорошо, — киваю. — Этого достаточно. Мы найдём Грима. А пока — сую чип обратно в карман, поближе к телу, чтобы тепло моих рук скрыло его температурный след от возможных сканеров. — Нам нужно выбраться отсюда и добраться до места, где можно спокойно посмотреть, что ещё спрятано в этом чипе.

Кристина шагает к выходу из коллектора, но останавливается, оборачиваясь.

— Кирилл, — тихо говорит она. — Если это действительно попытка соединить магию и сеть то это не просто угроза для наших домов. Это угроза всему, что мы знаем.

Киваю, чувствуя, как тяжесть этого понимания ложится на плечи. Не просто спасти мальчишку. Не просто замести следы. А остановить то, что может сжечь НайтСити дотла.

— Тогда идём, — говорю, подавая Калебу руку. — И держись рядом. Сегодня город не должен тебя видеть.

Мы выбираемся из подземной темноты через ржавый люк, который Калёб едва может приподнять. Он крикает, упирается плечом, и металл протестующе скрипит, будто не хочет выпускать нас обратно в город.

Внизу тесно и душно. По стенам тянутся толстые кабели, местами оплавленные, будто кто-то уже пытался пустить по ним силу и не справился. Вдоль потолка бегут горячие трубы, от них идёт такой жар, что воздух дрожит, как над раскалённым асфальтом. Именно этот жар и спасает нас: он забивает датчики, смешивает наш тепловой след с перегретым металлом, и «Око» не может выцепить среди всей этой духоты один лишний градус от магии.

Кристина первой вылезает наружу и на секунду замирает, прислушиваясь к городу. Её движения плавные, почти кошачьи — она всегда чувствует город кожей.

— Чисто, — шепчет, оглядываясь. — Но ненадолго.

Подаю руку Калебу. Он выбирается, тяжело дыша, и тут же поёживается: даже этот грязный переулочек кажется ему светлее и страшнее, чем та тёмная дыра, где мы прятались.

Мы стоим в районе, где неоновые вывески мигают так часто, что от них рябит в глазах, а воздух пахнет озоном и дешёвым энергетиком. Здесь «Око» работает с перебоями: старые камеры то и дело теряют картинку, а датчики температуры вечно сбоят из-за перегретых труб. Идеальное место, чтобы на секунду перевести дух — и решить, куда двигаться дальше.

Калёб кутается в термокуртку, будто она может спрятать не только тепло, но и сам факт его существования. Он всё ещё дрожит, но уже не так сильно.

— Держи, — Кристина сунёт ему в руки стакан с чем-то горячим. — Это не магия, но поможет. Просто дыши.

Он берёт стакан, смотрит на сестру, потом на меня — и вдруг выпаливает:

— Я покажу, где они тусуются. Грим он почти каждый вечер бывает в «Старом кабеле». Это подпольный клуб для нетраннеров и тех, кто хочет купить «тени». Там всегда полно людей, которые не задают лишних вопросов.

Переглядываюсь с Кристиной. «Старый кабель» — место грязное, шумное, но именно в таком шуме проще всего спрятаться. И найти того, кто что-то знает.

— Ты пойдёшь с нами, — твёрдо говорю я. — Но будешь держаться позади. Ни слова, ни жеста, ни искры. Если почувствуешь, что сила рвётся наружу — сразу скажи. Мы остановимся. Понял?

Калёб кивает. В его глазах мелькает облегчение: ему больше не нужно справляться с этим в одиночку.

Тем временем в другом конце города, в уютной, залитой мягким светом комнате, Вероника сидит перед старым планшетом отца. Экран завален фрагментами данных, которые она вытащила из домашней сети Вейнов: обрывки логов, координаты, пометки, которые отец обычно стирает сразу после прочтения.

Она знает, что не должна этого делать. Знает, что отец разозлится. Но тишина в доме становится невыносимой. Каждый тик часов звучит как упрёк: «Он ушёл, а ты сидишь».

Вероника вбивает в поиск «нулевой узел» и почти сразу натывается на странную вещь: не статью, не новость, а короткий пост в закрытом форуме уличных нетраннеров.

«Кто ищет нулевой узел — знайте: это не точка на карте. Это момент. Тот самый миг, когда сеть замирает, и в эту щель можно протаскать что угодно. Даже то, чего быть не должно».

Под постом несколько ответов, но один выделяется:

«Вижу, как кто-то пытается. Промзона D. Всплеск такой, что камеры вырубаются на три минуты. Говорят, это не техника. Говорят, это огонь».

Вероника холодеет. Промзона D — это туда ушёл отец.

Она быстро копирует данные, суёт планшет в рюкзак и встаёт. Сердце колотится где-то в горле, но она заставляет себя дышать ровно.

— Я не буду мешать, — шепчет она себе, застёгивая куртку. — Я просто посмотрю изда-лека. Просто удостоверюсь, что с ним всё в порядке.

«Старый кабель» прячется в подвале полуразрушенного здания, где стены покрыты сло-ями граффити, а воздух густеет от дыма и музыки, которая звучит так, будто её пропускают через сломанный синтезатор. На входе стоит вышибала с имплантом, который сканирует не лица, а температуру тела.

Кристина скользит вперёд, и воздух вокруг неё становится чуть горячее — ровно настолько, чтобы сбить датчик. Вышибала моргает, будто видит мираж, и машет рукой: про-ходите.

Внутри тесно, шумно и темно. Свет дают только экраны и редкие голограммы, которые мерцают, как больные звёзды.

Они находят Грима почти сразу: он сидит в углу за столиком, над которым висит экран с бегущими строками кода. У него и правда шрам через всю щеку, а на запястье — татуировка в виде переплетённых проводов и пламени.

Кирилл кладёт на стол чип.

— Узнаёшь? — голос у Кирилла спокойный, но в нём звенит сталь, которую не спутаешь ни с чем. — Ты дал его Калебу. Ты сказал, что это способ усилить магию.

Грим поднимает глаза. Сначала в них мелькает удивление, потом — холодная усмешка.

— А, Вейн. Сын Верховного. Думал, ты только по отчётам ходишь, а не по таким местам. — сказал Грим.

— Не тяни, — отрезает Кирилл. — Что ты хотел сделать с этим чипом?

Грим наклоняется вперёд, и на секунду кажется, что он сейчас рассмеётся. Но вместо этого он шепчет:

— Это не моя идея. Я только курьер. Мне сказали дать его парню из Фламмелов, чтобы он попробовал кое-что запустить. Сказали, что если получится, то весь город узнает, что магия — это не миф.

— Кто сказал? — голос Кирилла становится тише, а значит, опаснее.

— Тот, кто может платить. Тот, у кого есть доступ к резервным узлам. Больше я ничего не знаю.

В этот момент из-за спины Грима выскальзывает тень и метнётся к выходу. Кристина рвётся следом, но не успевает: тень ныряет в лабиринт коридоров и исчезает.

— Он слышал, — выдыхает Калёб. — Тот второй парень тот, что всё время смотрит на часы. Он был здесь. Он всё слышал.

Кирилл сжимает кулаки, но тут же заставляет себя разжать пальцы. Сейчас нельзя терять контроль.

— Значит, они знают, что мы пришли. Значит, у нас мало времени.

Вероника стоит в переулке напротив «Старого кабеля», прижимая к себе планшет. Она видит, как внутрь входят трое: высокий мужчина с прямой спиной, женщина, от которой, кажется, идёт жар даже сквозь темноту, и парень, который выглядит так, будто его только что вытащили из огня.

Папа. Мама. И Калёб Фламмел — мамин брат.

Она хочет шагнуть вперёд, крикнуть, что она здесь. Но что-то её останавливает. Может, инстинкт, который шепчет: «Не мешай. Сейчас не время».

Вместо этого она достаёт планшет и начинает записывать всё, что видит: лица, время, детали. Если родители попадут в беду, у неё будет хоть что-то, что поможет их спасти.

Кирилл выходит из клуба, чувствуя, как город сжимает его со всех сторон. Грим не знает ничего важного, но знает достаточно, чтобы понять: за этим стоит кто-то крупный. Кто-то, кто хочет, чтобы магия перестала быть тайной.

Кристина подходит, её глаза горят в полумраке. Кaleb стоит рядом, опустив голову, будто боится, что сестра сейчас сорвётся на крик.

Но она не кричит. Вместо этого она кладёт руку ему на плечо — крепко, но не грубо, так, как делают, когда хотят сказать: «Я злюсь, но я с тобой».

— Мы не можем идти домой, — говорит она. — Если они знают про Калеба, они знают и про нас.

Кирилл кивает. Он уже думает об этом.

— Тогда идём туда, где нас не будут искать, — тихо говорит он. — К Веронике.

И в этот момент его телефон вибрирует. На экране высвечивается короткое сообщение, от которого у него холодеет кровь:

«Ты думаешь, ты прячешь магию. Но я вижу каждый твой шаг. Нулевой узел уже ждёт».

Вероника стоит в переулке, прижимая планшет к груди. В груди всё сжимается, будто кто-то крепко держит её изнутри и не даёт сделать шаг.

Папа. Мама. Дядя Кaleb.

Она смотрит, как они исчезают в тёмном проёме входа, и в голове стучит: «Они идут туда, где опасно. Они идут туда, откуда могут не вернуться».

Её пальцы бегают по экрану планшета. Скрипт, который она тихо поставила на телефон отца, наконец выдаёт тревожный сигнал: уведомление о новом сообщении. Вероника не хотела подглядывать, правда не хотела. Но когда на экране всплывает: «Ты думаешь, ты прячешь магию. Но я вижу каждый твой шаг. Нулевой узел уже ждёт», — у неё темнеет перед глазами.

Это ловушка. Кто-то ждёт их. Кто-то знает, куда они пойдут.

— Я должна что-то сделать, — шепчет она, и собственный голос звучит в шуме города как чужой, но твёрдый.

Внутри «Старого кабеля» всё так, как она и боялась: тесно, шумно, темно. И в этой темноте прячутся те, кто хочет навредить её семье.

Кирилл останавливается у выхода из клуба, чувствуя, как город сжимает его со всех сторон. Кристина подходит, её глаза горят в полумраке. Кaleb стоит рядом, опустив голову.

Кристина не кричит. Она кладёт руку ему на плечо.

— Мы не можем идти домой, — повторяет она. — Если они знают про Калеба, они знают и про нас.

Кирилл кивает.

— Тогда идём к Веронике, — тихо говорит он.

Телефон снова вибрирует. То же сообщение:

«Ты думаешь, ты прячешь магию. Но я вижу каждый твой шаг. Нулевой узел уже ждёт».

Кирилл чувствует, как по спине пробегает ледяной холод. Это не просто угроза. Это приглашение в западню.

Он поднимает голову, смотрит на Кристину, потом на Калеба.

— Это ловушка, — говорит он тихо, но так, чтобы услышали оба. — Кто-то ждёт нас у нулевого узла.

Кристина резко выпрямляется. В её взгляде вспыхивает тот самый огонь, который Вероника видела, когда мама защищала дом.

— Значит, мы не пойдём туда, — отрезает она. — Мы вообще никуда не пойдём, пока не поймём, кто дёргает за ниточки.

Кaleb поднимает голову. В его глазах мелькает что-то новое — не только страх, но и решимость.

— Я могу помочь, — тихо, но твёрдо говорит он. — Я знаю, как Грим связывался с тем, кто ему приказывал. У него старый терминал в подсобке. Если мы вернёмся..

— Нет, — Кристина качает головой. — Ты туда не вернёшься. Мы не будем рисковать тобой ещё раз.

Кирилл уже хочет что-то сказать, но в этот момент у него снова вибрирует телефон. Только теперь это не сообщение от врага. Это входящий звонок. Номер скрыт, но Кирилл знает, чей это сигнал.

Он подносит телефон к уху.

— Вероника? — голос его дрожит от неожиданности. — Что ты там делаешь? Ты дома?

Вероника сжимает телефон так, что белеют костяшки пальцев. Она стоит в переулке, стараясь не дышать слишком громко, чтобы не выдать себя случайным звуком.

— Папа, — шепчет она. — Не ходите к нулевому узлу. Это ловушка. Я видела сообщение. Я я поставила маленький скрипт, чтобы знать, что ты в порядке. Прости, что залезла в телефон. Но ты должен мне поверить: они ждут вас.

На другом конце провода повисает короткая тишина. Вероника уже представляет, как сейчас отец начнёт ругать её за самовольство, за то, что она вмешивается, за то, что не осталась дома.

Но вместо этого Кирилл тихо выдыхает:

— Ты молодец, Вероник. Ты молодец, что позвонила. Скажи, где ты сейчас?

Вероника оглядывается. Вокруг только неоновые вывески, грязные стены и тени, которые кажутся живыми.

— Я у «Старого кабеля», — признаётся она. — Я хотела просто посмотреть, убедиться, что вы в порядке. Я не хотела мешать.

Ещё одна короткая пауза. А потом голос отца становится твёрдым и спокойным — таким, каким он бывает, когда нужно принимать решение:

— Оставайся там, где стоишь. Не двигайся. Мы сейчас выйдем к тебе.

Через несколько минут они появляются: сначала Кристина — её силуэт будто слегка дрожит от жара, который она сдерживает внутри. Потом Кирилл, высокий, собранный, но с такой тревогой в глазах, какой Вероника никогда раньше не видела. И последним выходит Калёб, всё ещё кутающийся в термокуртку, но теперь в его походке больше уверенности.

Вероника не выдерживает и бросается к ним. Она вцепляется в отца, утыкается лицом ему в плечо, а потом поворачивается к маме.

— Прости, что я следила, — быстро говорит она. — Но я не могла просто сидеть и ждать.

Кристина приседает перед ней, берёт её лицо в ладони — тёплые, чуть шершавые, такие родные.

— Ты не должна просить прощения за то, что хотела защитить свою семью, — тихо говорит она. — Ты поступила смело. Но в следующий раз, пожалуйста, не ходи туда, где может быть опасно. Договорились?

Вероника кивает, глотая слёзы, которые всётаки прорываются. Калёб неловко переступает с ноги на ногу, а потом вдруг протягивает ей руку. — Спасибо, что помогла, — говорит он. — Если бы не ты, мы бы пошли прямо в ловушку. Вероника улыбается сквозь слёзы и пожимает его руку.

Они отходят в более тихий переулок, где неоновый свет не режет глаза, а шум города звучит как далёкий гул. Кирилл достаёт планшет, который ему передала Вероника, и быстро просматривает данные, которые она успела собрать.

— Тут есть координаты, — бормочет он. — И время. Ктото действительно готовит засаду у нулевого узла. Вероника, ты нашла это?

Она кивает.

— На форуме нетраннеров. Там пишут, что это не точка на карте, а момент. Тот миг, когда сеть замирает. И кто-то хочет использовать это, чтобы пустить магию по городским линиям.

Кристина выпрямляется. Её взгляд становится острым, как лезвие.

— Значит, они хотят не просто раскрыть магию, — медленно произносит она. — Они хотят сделать её оружием. И если это сработает, пострадает весь город.

Кирилл смотрит на всех по очереди: на жену, на Калеба, на дочь.

— Нам нужно опередить их, — говорит он. — У нас есть данные Вероники и знание Калеба о связях Грима. Этого хватит, чтобы найти того, кто стоит за всем этим, раньше, чем они приведут свой план в действие.

Вероника поднимает голову. В её глазах уже нет слёз — только решимость.

— Я помогу, — твёрдо говорит она. — Я могу следить за сетью. Если кто-то попытается активировать узел, я увижу.

Кристина улыбается ей — не широко, но так, что у Вероники теплеет внутри.

— Хорошо, — кивает она. — Тогда ты будешь нашими глазами в сети. А мы будем твоими руками здесь, снаружи.

Кирилл кладёт руку на плечо дочери.

— Мы справимся, — спокойно говорит он. — Потому что мы вместе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.